

ПРОЕЗДНОЙ

Он светился на затоптанном троллейбусном полу. В грязном месиве, принесённом десятками ног с февральской улицы, белел чистеньким квадратом и магнитил глаз.

Лёнька огляделся, пытаясь определить, кто обронил бумажку. Хмурые утренние пассажиры сидели и стояли, глядя внутрь себя.

Пожав плечами, он медленно, всё ещё надеясь, что растяпа отыщется, нагнулся и поднял картонный прямоугольник. На нём золотисто поблёскивала цифра «два».

«На февраль», – отметил Лёнька и машинально глянул на часы, хотя и так знал, что сегодня двадцать девятое февраля – день, в который он тридцать два года назад удосужился появиться на свет.

На душе с утра было пакостно. Там почти всегда было уныло, а в этот злополучный, лишний в году день особенно. Жена с днём рождения не поздравила. Впрочем, она ещё спала, когда Лёнька, всухомятку позавтракав, уходил на работу.

Он давно уже перестал отмечать день своего рождения – чего его праздновать, если он случается только раз в четыре года, а в нормальные, не високосные года, календарём не запланирован?

Ещё в детстве Лёнька с грустью понял, что в его жизни праздников будет меньше, чем у других, и с этим безобразием почти примирился. Допускалось, конечно, что где-то живут люди, также рождённые в дополнительный день, но он, Лёнька, лично таких не встречал, а потому имел все основания обижаться на судьбу и считать себя неудачником по рождению.

За редкостью празднований и жена скоро и благополучно забыла день рождения своего мужа.

С утра зарядил совсем не февральский нудный дождь, стремительно пожиравший дряблые и закопчённые городские сугробы. Мутная, будто похмельная, вода с клокотаньем поволокла вдоль тротуаров к засорённым водостокам вытаивающий мусор.

Был обычный четверг. На работе Лёньку поздравления и подарки не ждали тоже. С коллегами он держался замкнуто и уж о дне своего рождения, понятно, не распространялся. Кадровичка, наверное, знала, но какое ей было дело до техника средней паршивости?

И тут вдруг этот проездной! После дождика в четверг...

«На все виды! – восхитился Лёнька, вытирая билет о подкладку плаща. – Жаль, месяц кончается».

Лёнькины отношения с кондукторами складывались не просто.

На работу ездить приходилось ежедневно, свободных денег никогда не было, и Лёнька быстро освоил тактику бесплатного проезда. Он выбирал троллейбус или автобус попопней и протискивался в раздвижные двери последним. На каждой остановке вываливался с выходящими пассажирами и заходил в другую дверь.

Случались и проколы: когда Лёнька натёкался на кондуктора прямо при входе. Тогда он бормотал: «Минуточку, я же только вошёл... Сейчас, сейчас...». И долго шарил по карманам в надежде, что вот-вот подоспеет следующая остановка, двери откроются, и ему удастся выскользнуть безнаказанно. Бывало, Лёнька менял три-четыре троллейбуса, пока добирался до работы.

Иногда неприхотливую Лёнькину память будоражили ставшие полуфантастическими воспоминания: с умильной тоской вспоминались далёкие времена, когда кондукторов не было вовсе, а в салонах троллейбусов стояли кассы. Войти и не опустить монетку в узкую прорезь было стыдно даже пацанам его возраста – казалось весь салон с упрёком смотрит на тебя. Зато уж если бросил денежку – крути билетов, сколько надо, на всю компанию!

Теперь такого нет. Пропало куда-то, как и надписи с троллейбусных стен типа: «Совесть пассажира – лучший контроллёр»...

А уклоняться от оплаты проезда становилось всё труднее. Лавиной захлестнувшие город маршрутные такси здорово разгрузили допотопные троллейбусы. Те заполнялись теперь только в «часы пик», а так – слонялись по улицам полупустыми. Но в «маршрутку» без денег не проскочишь.

Денег, как уже говорилось, не было.

Скуповатая жена аккуратно отбирала небольшую зарплату до копейки. Нет, конечно, всё это не пускалось по ветру, а тратилось «на хозяйство», но неудачнику мужу наличные не выдавались даже на обед. Вместо этого жена

ещё с вечера совала в дерматиновую Лёнькину сумку два бутерброда – с колбасой и сыром, и стальной полулитровый термос с чересчур сладким чаем. Исключением был «трояк» – на сигареты.

И тут вдруг этот проездной! Подарочек ко дню рождения...

А по проходу из салонной глубины уже надвигалась грозовой тучей кондукторша с каменным лицом.

Лёнька, забыв обо всём, метнулся, было, к закрытой двери и начал судорожно рыться в карманах.

– Оплачиваем проезд, – сердито сказала кондукторша.

Лёнька икнул и наткнулся в кармане на только что найденный проездной билет.

– П-проездной, – всё ещё ожидая подвоха от судьбы, пролепетал он.

Кондукторша повертела в толстых пальцах его бумажку, придирчиво оглядела со всех сторон. Лёньке даже показалось, что она обнюхивает проездной – во всяком случае, при осмотре документа ноздри кондукторши хищно трепетали.

«Сейчас на зуб попробует – и всё!» – заглодело внутри.

Обошлось. Кондукторша вернула проездной и сразу потеряла к Лёньке интерес, лишь напоследок спросила:

– На март приобрести не желаете?

Лёнька яростно замотал головой, а кондукторша зажмурилась, решив, что голова странного пассажира непременно сорвётся с плеч и вылетит в окно.

Лёнька ликовал. Можно было ехать, ничуть не опасаясь, что начнётся скандал, и его станут высаживать где-нибудь посреди дороги. Он страшно боялся скандалов, просто скисал – моментально, как молоко в тридцатиградусную жару, – если на него начинали орать. А кондукторы – народ больше крикливый, нервный.

Итак, Лёнька ехал на работу. Вполне законно, как не ездил уже несколько лет. А внутри него уже кто-то настырно и жарко шептал: «Какая работа? Тебе же валит, Лёня! Такая халява бывает, если не раз в жизни, то уж никак не чаще, чем раз в четыре года! У тебя-то, у неудачника...».

Действительно, ведь завтра уже другой месяц... Ах, как несправедлива жизнь!

До работы Лёнька не доехал. Он вышел, пересел на другой троллейбус, идущий в противоположную сторону. Проехав несколько остановок, снова пересел и поехал ещё куда-то. Его понесло.

Сначала он выбрал самый длинный городской маршрут, но, покатавшись часа три, понял свою ошибку. Какой же интерес в том, чтобы, имея в кармане проездной, не предъявлять его каждые десять минут? Да и кондукторы перестали обращать на Лёньку внимание – примелькался.

Он стал ездить во всех направлениях.

Ну есть, есть в этом особая прелесть: спокойно войти в салон, без суеты занять лучшее место и лишь потом небрежно бросить в сторону кондуктора: «Проездной».

Или, наоборот, спрятаться за других пассажиров и, когда бдительная кондукторша протолкается к тебе сквозь гранитные плечи и спины, принять испуганный вид и долго выворачивать карманы, перебирая всякую мелочь. А как только скандальные кондукторские губы сложатся в иерихонскую трубу, чтобы поднять тревогу, сунуть ей к самому носу законный свой билет!..

Ах, как Лёнька мстил им за долгие годы унижений, когда он трепещущим зайцем, на перекладных, вынужден был каждый день пробираться на службу, чтобы заработать свой кусок хлеба! Он упивался местью, придумывая всё новые и новые издевательства над работниками городского транспорта. И всё – законно! Надёжней любого адвоката защищал Лёньку проездной билет!..

Он ездил целый день: доезжал до перекрёстка и менял троллейбус на трамвай, из трамвая пересеживался в автобус – проездной-то на все виды! Лёнька галантно уступал место старушкам и женщинам, сажал к себе на колени чужих детей: весело агукал с малышнёй и рассказывал сказки (оказалось, он помнил все бабушкины сказки!) ребятам постарше. Он даже пытался руководить салонным коллективом – кому где стоять, кому куда сесть, – за что его чуть не побили. Но всё равно Лёнька был счастлив. Он чувствовал себя человеком!

К полуночи не осталось в городе остановки, где сегодня не побывал Лёнька. Не было ни одного вагона трамвая, троллейбуса или автобуса, который, отправляясь на покой в парк, не уносил бы с собой частичку Лёнькиного восторга.

Проездной был использован «на всю катушку»!..

Дверь ему открыла заплаканная жена. Увидев растерзанное и утомлённое тело мужа, его невидящие глаза, полные запредельным счастьем, она робко спросила:

– Ты где был? Я ждала-ждала...

– У меня проездной, – туманно пояснил Лёнька и прошёл мимо празднично накрытого стола в спальню.

Жена отважилась на цыпочках войти следом лишь десять минут спустя.

– Лёнечка, – жалобно позвала она, присев на край кровати. – Ты мне изменил, да?

Лёнька спал поверх покрывала, широко разбросав руки и свесив с кровати тощие ноги.

Жена осторожно наклонилась над ним, принюхиваясь.

– Вроде, трезвый, – она накрыла мужа пледом и тяжело вздохнула: – С днём рождения, горе ты моё...

Утром первого марта Лёнька стоял на остановке, всматривался в подъезжающий троллейбус, пытаясь угадать, в какую дверь входить, чтобы не напороться на кондуктора, и придумывал, как оправдаться за прогул.

Март 2004г.